

Ксения Чарыева

стекло для 4-ех игроков

*

пусть ты не сумеешь отнять у меня
ни циркуля, ни фотовспышки.
и когда я уже не умру - может, насовсем уже не умру - мы вернемся за стол и
возобновим игру.

*перечень яблок неистощим
если отсчитывать под плащом
перебирая наощупь им
больно и мало ли как еще*

*

Какова длина письма из железа,
Форма выхлопа раньше таможенной решетки?
Дом, в котором нет ничего, кроме геркулеса
И кавказской водки,
В котором ничто не требует дополнительной обработки,
Ожидает нас в сердце леса.

Полдень перекачивается с головы на пятку,
С носка на Федота.
Черви бросают на сырую тропу свою скомканную девятку.
Где-то свистит охота.

изобретение аиста

1.

А. Чарыеву

Очень хотел увидеть аквамарин

помню, как сейчас: на левой странице,
в двенадцатой строчке сверху -

а к в а м а р и н

слово с седьмым и шестнадцатым пунктами личной анкеты внутри

[- любимое имя.....*Марина*

- стихия.....*вода*]

Однажды я сяду в твою машину
и мы не остановимся никогда

лги воруй убивай все равно однажды я сяду
в твою машину и мы не остановимся никогда
уничтожай грабь ври

2.

она лежит на спине, и как работают ноги,
как в детском саду упражнение делали – *ве-ло-си-пед*, –
циркуль в лосинах, не помнит

зачем же так медленно?

(медленно)

(медленно)

вот сосуд в глазу лопнул, вот
это от лба к пальцам ног

(гномы цапель боятся,
а боцман бы бицепсом голым)

гибкое дело

пиши *пропало*,
вставляй в альбом

*

Было время,
Когда все были всеми
И каждому подходило каждое имя:
Так, смерти подходило имя жизни
И жизни подходило имя смерти.

Где угасала новая страсть,
Там воскресала старая страсть.
Где увядала в створках фотомедальона
Чья-то любовь — Зухра или Виталик, —
Там жажда справедливости и чувство долга
Краше прежнего расцветали.

Так, неудавшийся напарник
Какой-нибудь мисс
Не багровел, как жук-пожарник
И не сигал с балкона вниз,
А лихо вскакивал в седло
И мчался, скажем, в Ватерлоо;

Оставшиеся же без кавалеров
Не тосковали в пышных интерьерах,
А, по карманам рассовав ланцеты,
Хранили страшные секреты.

И вот это время опять, тик-так,
Поднимает свой флаг,
Мудрым утром с востока выкатывает
Свой ослепительный циферблат.
Кто спрятался, сам виноват.
Где угасает новая страсть,
Там воскресает старая страсть.
Будто очнувшись от визга свистка в спортзале,
С богатырской силой внезапного пробуждения
Вечные школьники дергают за канат
И добро побеждает.

*

Кто их посеял, бросал, не жал их.
Так и лежали. В обход обзора
Мы собирались на бал пожарных
С приставными лесенками раздора.

В блеске злой рифмы любви и блефа,
В час, о котором молчат куранты,
Не второпях затевалось слева,
В прямоугольной тени веранды,

Где конь из жести перед барьером
Тыкался в снег, как слепой потомок,
И дрессировщицким шамберьером
Щелкал огонь по щекам потемок,

Пиршество странное, точно греза,
Точно из пламенной шапки вора
Вдруг появляющаяся роза,
Чтобы вернуться на герб Тюдора.

Кто их посеял, стоял поодаль,
Тонко поигрывал кнутовищем,
Ласково спрашивал, что мы ищем.
Мирное время, профессор Гёдель.

*

ищи, ищи, это где-то здесь

на кольце железном дверная снесь
найдешь - поверни, поверни, войди
расстегни, вынь руки, оставь висеть

коридор рекордно короток, однороден
там чудеса, и картонная коробка от дивиди
там тускнеет лампочки орден
на притолочной груди,
на притолочной груди

по коридору со всей дури ударь
удаль молодецкую *продемонстрируй*
демонам кухни к демонам спальни
не попасть станет
в гости

- бросьте
мечь, хоть и стыдно - о, звук ног*и!*..
(они могут ходить сквозь стены)

*

о, невмочь, не жить, если в пол-окна
так весна видна
и на мне лежит эта вся вина
как моя вина

что ни-ни ни вырваться, ни прильнуть
сокращая паз –
а всё только сфагнуму, джуту, льну
говорить за нас
|говорить о нас

большеротых
крылатых
болотах
в больничных халатах
расстрелявших табачный
заспавших словарный
запас|

*

ничто не более напрасно
хотя проще простого
очевидно, поломка

своя комната барахлит
по углам

хотя

свою малость тепла мелет лампа

в трёх карманах у стен
швейцары
один
без рук

вечный двигатель
на ночь всегда разбирают

на ковре
любопытные пятна
придавлены хламом
(отдельно
от остального предмета

(наполовину
под стулом)

пыльная крышка
помощи
садовника с самокатом

и —
любовь всей моей жизни
|в этом
щипке памяти, сонно ищущем плоти|)

хлопок,
или надрез каждому видимой ткани —

ничто более не напрасно

как хлопок
или надрез

‘U’

Где не сделать различия, холод ли это его или пища его
Полный слякоти это башмак или ложка пюре
Вычтен вычитанный итог

В колею
Уже входит ребром терпеливая длань

Украду и убью за свободу твою
Пал, пал *аэроплан*
Бочка, бочка, кюре!

*

еще один пример косы
я не вполне умею, но смогу
по контуру, квадрату или кругу
очаг, горизонтальные часы
сквозными бабочками средней полосы
делениями, стрелками друг к другу

и желтый след небесного стекла
свет рушащейся праздничной бумаги
повернутые внутрь, к ознобу, маки
крававые – читай – колокола
отчетливая дерзость кувырка
не без которого в – Вольф пел – архипелаге
о ком сверкает легкая юла
скользит пластмасса теплая курка
и какова цена его отваги

(в кортеже те же режут жертвенный Антверпен
под скрежет желудя ждет мертвенный Евтерпин
лоб апробации скрипичного меча)
жерждь держит, ветер вертит, время терпит
смерть горяча

*

Долго еще, но не будет у меня
Твоих электрических листьев, веревок, касаний.
Сядешь пьяный в чужие сани,
Завезут - не найдешь обратной дороги по зернышкам ячменя.
Взглянешь вверх - скажут: под ноги смотри, балда.
Нас-то не склевали, мы лежим как лежали, помним твою дорогу.
Так, узнавая камень за камнем, выбредешь понемногу.

Коротко, так коротко, что короче некуда, а не будет все-таки никогда.

*

манифест существа трансформаторной будки
так просителен по существу

выдув в воздухе дверцу по контуру буквы
как открыть ее воздухом в звук

остановка важнейшего органа шага
о, со всей прямою окончанием сна
в помогающий звездным тиснением кран
ниспадает пустая бумага

*

Забываешь только сезон, порядковый номер.
Сам день остаётся, жизни не расплескав:
Люди в стекле холодильника в гастрономе,
Лестница, ключ, тёплый чужой рукав.

Забываешь только лицо. Главное помнишь:
Ощущение кожи, голос,
падающую тень, –
Эту нежность – гуманитарную, то есть, помощь
(Лучше, острее, чем день).

*

Лишь задеваемое глазами эхо в оконном чехле мотыля, либо язв,
Сохраняет верность вектору и насыщенности цвета. Инших силой увлек
Страх развернутых показаний – распеленатых лялек боязнь,
Фотофобия сокровенного микрокосма, целибат подоплек.

Привычно, но никогда не без трепета, выбрав по вкусу себе из порожних
двустворных кабин,
В тесных ложеснах ее в произвольном порядке на кнопки жму,
И трещащее по швам пространство шахты под нею разматывается, как бинт,
Возвращая меня в сгущающуюся тьму.

Здесь крутят судебную хронику. На черном фоне звучит горячечный монолог
истца,
Покамест вечные игрушки, строгие книжки спят.
За секунду до титров оглашенный ответчик, от века к веку напевавший, не
поднимая лица,
Вдруг, забыв обо всём, ластится невпопад.

*

Что ты, висельник, к белой березке моей приуныл?
То ли дело дубы-колдуны.
Темперамент, не равный возможностям. Ветка луны.
[Ветка луны, ветка луны, ветка луны...]

Белый звон нарастает. Перерастает: в длину и в слух.
Пусть. Неохота. То есть, я не желаю знать;
Пусть, то есть, сидит. *Есть у меня*

шестерка слуг.

Дама бубён, кованая кровать.

Долго ль, коротко проговорит? - истерия, резня
В верхнем регистре, в утвари тварной. После икс на икс на счет «три»
Будет нечто сильнее, оно усмехнется, поднимет меня.
Это нечто сильнее - поднимет меня – изнутри.

*

У меня всё получится, ртуть затвердевшая,
Сердце каждой моей кости.
Соня, Сонечка, чокнутая швея,
Мне столько не унести.

Ты главное слово продела сегодня в глухой
Покой моего ушка.
Теперь - я стану ветром, стану солнечной шелухой,
Разлука будет более чем легка.

Сонечка, я и петь научусь, как небесные караси,
Отращу себе жабры, невесомые плавники.
А ты подаренный мною напёрсток всегда носи
На безымянном пальце любой руки.

Так и запишем, так и закроем лето твоё.
Молча покурим снаружи, на бледном уже крыльце.
Не подсмотрим в замочную скважину, как Сонечка шьёт,
Как последний августовский закат дрожит на её лице.

Не смотри, любимая, как хороню в холодном саду
Лето твоё - от него осталась одна роса, -
Все монетки, что есть у меня, из карманов вытряхиваю, кладу
Бережно на павлиньи его глаза.

*

сосрезание

белый булыжник лыжни к
уходящей спине
с небом слипшейся там меж стволов

появление маленьких слов

тот кто рыл те две ямы по шею (еще как не со зла)
ох и рад же за эхо!

к вызревающей книге лес никнет

всей из маленьких слов
всей из лет

кто это пел: обе ямы
всё еще
там

а нас нет

*

Ни за что не держусь, никому не спою,
Как разбился тот елочный шар,
Сквозь который смотрела на душу твою.
Не спою, как разбилась душа.

Где-то в мире моя дорогая сестра
Шьет одежды из роз и золы.
Как спокойна она. Как ее вечера
От вскипающих окон светлы.

*

За треугольником квадрат
Мы начали терять.
К нам время повернулось тем, что принято скрывать.
Нас мир перелистнул, как радиотетрадь.

Огонь и голубь, и за кадром — голос, как в кино:
Универсальный магазин, столовое вино.
Окно и глобус — самое оно.

(Мы углубились в одинокое число)

*

Забудь, ах, об ангеле писчебумажном,
Ему уже все равно.
Говори всегда сжато, всегда о важном,
Как в операционной в кино.

Сердце не дом, человек не пуля,
Не остаться, влетев стремглав,
Если бы знали, не утонули,
Наняли батискаф.

Били бы кукольную посуду:
Ни свершений, ни совершенств,
Только находка, равная чуду,
Княжий перстень в мертвом ерше.

Только яркие водные револьверы,
Пляжные надувные мячи.
Чего тебе не хватило? Веры?
Лучше молчи.

*

Снег выпадает из рукава
Бомжика-февраля.
Ах, самолетик летит - ни жива,
Ни мертва петля.
А и Б сидят на грудной оси,
Не думают ни о ком.

[Не приближайся. Произноси
моё имя, произноси его целиком.]

Cinderella

a friend in need's a friend indeed
полмира перебрал
из правой вешалки глядит
животное жираф

как сквозь рассвет Тулуз-Лотрек
на милый замок Боск
как кукла или человек
на падающий воск

рукавчиками пальтецо
держит его лицо
проводит полой полосу
в двенадцатом часу

*

хорошо быть своим в доме где все свои
в этой комнате пахнет деревом и смолой
вдоль ковра проползают обленившиеся муравьи
ростом полмиллиметра они говорят со мной
лапами перебирая слова любви

это всё уже было только очень давно
хочется грызть апельсиновые корки стен
похмеляться костяшками домино
превращаться в штору чтобы обнять тень
ткнувшуюся в окно

*кружок умелое сердце, квадрат бензиновых хвой -
вот тебе чей-то мир, сиди и вращай
по кольцевой, стрелкой минутной, секундной, - мой часовой, -
ложкой, размешивающей чай*

*

Отстояли и бросили. Снег расцвел
На усталом его стекле.
Хороводы серебряных, легких пчел -
В каждой клеточке по пчеле.

Собирались и хлопали по плечу,
Только знали что не пройдет.
Я с твоей отпустила свою пчелу
Делать горький осенний мед.

Только и успела,
что смазанно сфотографировать их полет.

*

Здесь заборы и площади. Солнца нет. Ветер есть.
Человек, выходя из маршрутки, роняет трость.
Трость, едва коснувшись земли, становится ось,
Вкруг неё становится мир: взгляни, у него бубенцы – вот здесь.

Зной берёт меня за руку и говорит: знай,
Можно целыми днями пить мёд, но не стать мной.
В складку шторы улечься, в её золотой край,
Молоком пчелиным смажь губы, - велит зной.

Дар плывёт тополиный. Я в чей-то забрёл сон,
Подвенечный шёл пар от танцующих там пар.

А проснулся – туман меж деревьев и их крон,
И белеет на листьях с рожденья седой дар.

Пух плывёт тополинный. Я в чей-то забрёл бал,
До утра белоснежного мной говорил вальс,
Я был скатерти ворс, я был маятниковый стук,
А в ветвях за окном подвенечный горел пух.

Так творится июль. В позвонках-проводках ток,
И взлетает на синий флагшток золотой флаг,
И кофейный загар, отшелушиваясь от ног,
В земноводном поджаристом воздухе спит так.

Я янтарный внутри. Взгляд уже не от слёз ржав.
Глажу боль по капроновым бантикам: ты чья?
Боль, букетик воздушных шаров в кулаке сжав,
Молча смотрит сквозь стенки грудные, в упор, в я.

Стал закат тяжелее, в тысячи встал горл
Дымом лиловым, стиснул дорог сталь.
Телеграфным гудением, проводом стал гол
Нерв – напряжён, полон искр и вольт, стал.

Жив только шпиль черепичнейшей из крыш,
Твой старый дом, взятый в скобки четой ив.
Здесь, только здесь – закат лёгок и свеж, рыж.
Здесь, только здесь - зной, дар, пух. Так я стал. Жив.

*

Ревень пустеющих деревень
Плотно земля обстоит корням
Слабобороздчатый стебель лакает тень

Подобрал и тащит останок беличий
мимо окон скорняк
на память садовой мебели на зависть соседской мелочи

Назови мне сегмент, орудие и сорняк

Треплет безветрие мой куплет
Дереву ново сиротство рта
Кто будет жить вместо белки в ее дупле

Твердо фигура природы движется
в душный третий квартал

а нынешней волглой книжице видна без бинокля ижица
На неделю раньше соскучился дочитав

*

если бы девять лет назад мне показали слайд
обо мне
сидящем в кабинетообразной комнате с разбросанными по полу книгами
одетом в платье похожее
на рыболовную сеть
до всепоглощающей нежности измождённом
таком

каким бываешь только когда не видят
показали бы и предложили

попробуй

угадать о чём думает человек на плёнке

я бы ответил - об ангеле

о серебряном облаке

о безымянных цветах оплетающих грудные стенки

может ещё о ком-то прекрасном около

о чем угодно

только не о моих коленках

чашечками

то крови полными то зелёнки

норовящих чокнуться с каждым встречным забором

столбом телеграфным проезжей частью

только не о моих волосах

нагоняющих скуку

как всё длинное и прямое

только не о моих руках

потому что в них таких маленьких и чумазных мне не удержать всего

всех эмбрионов радостей и несчастий

голубую планетку будущего с океаном воспоминаний

в островках паранойи

-

если бы девять лет назад мне показали слайд

обо мне

рисующем на картонке из-под обуви навсегда ушедшее детство

в образе мужчины со стёртым лицом

пытающегося дрыгать

ампутированными ногами

и объяснили что это я

три тысячи двести восемьдесят пять дней спустя

так по себе скучаю

я вынул бы из кармана любимый пластмассовый пистолет

выстрелил в экран тёмно-синей пулькой

целясь в ладонь рисующего
и прошептал подойдя близко-близко прижимаясь вплотную
это мой единственный подарок больше мне нечего тебе дать
бери спрячь его в самый дальний ящик
и оставь попытки меня вернуть
не помни меня как я о тебе не знаю

*

Как, болезненно сверкнув, опадает замертво,
Неуклюже выпростав лучи,
Утро самого тяжелого экзамена.
Мама мне сказала: улыбайся и молчи.

В светлом кабинете с партами-погодками
Будете вальсировать под дробь ружья.
Изотрётся в пыль под трикотажными колготками
Бедная шпаргалочка твоя.

*

Трамвайный или пунктирный
Б
В Г
Ц у
щщ
щщщ
спрут
а
балерина?
спрут мертвая балерина?
движение во все стороны
движения в одну точку

*

всем воробышков взъерошенным хворобам
всем кудрявым ягодам ягнят
по каким она вела тебя сугробам
эта ласковая музыка огня

подозрений что маршрут мог быть короче
звонче и честнее выход вон
так спускается пластмассовый курочек
по стремянке золотых воздушных волн

в песнях тех велосипедных экспедиций
не упоминался никогда

способ безнаказанно светиться
справа или слева от стыда

*/если попадешь не передашь ли
призраку капризному пакет
разноцветную пилюлю против кашля
книгу, пропускающую свет/*

Spectral Mnemonics

1.

Красная книга желтая зеленая
Кто ее прочтет
Голубая

Фиолетовому до большей части Китая
На юго-востоке до северного Вьетнама
До Приморского края

2.

Кубик из пятничной коллекции последнего мздоимца
Игрушка неэксплуатируемая *на том брелке*
(верхом)

Свернувшись гордией эмблемной имя
У камня спит в полуразжатом кулаке

Но манко сна у той что в черноземе что под стелой
Зане молебен за немислимый четверг
Что |как в турне тот гордый рекордсмен в дверном проеме
[Как полировка или придурь]] мерк
И знал: счастливый цвет оранжевого – белый
А синий сызмальства в тюрьме

*

Фактура маленькая комната фигур
Я наблюдал
Глаза делили: чур,
Мне штаб-подвал

Тот спичечный диван у дальней стенки
Тот телефон с наперсток лилипута
И времени поджатые коленки

Мне так знакомы почему-то

В затылке бес трезвонит
Но что мне до него! я в сеть зрачка поймал
Этот подвал,
Его уют
Где если ждут, то без тревоги

Но лупа соскользнула – все исчезло.
Обивка кресла как обивка кресла.

Наташе Артемьевой

в числителе сыро

а то жара

  с

((| *o* |))

скакалкой

ПО ВЫХОДНЫМ

[

тёрку какого калибра

) выбрать (

для *голубого* –

..сыра? ///

(/шара!?! /)

]

-

попугайчик мяч поймал в районной булочной

ВЫХОДИЛ

*

Почтальон потерял депешу,
Но в фуражке несет плотву.
Три колечка. Одно утешу,
Двух других не переживу.

Отключившийся с джойстиком
Приготовленной мздой в руке,
Как в пустом коридоре жеста
Мнись на спущенном поводке.

Происходит, и вровень снится:
На футболке, что на тебе -
Кадр с квартетом героев ниндзя,
Упражняющихся в борьбе.

Диверсантские черепашки,
Бросьте крысу: вам нужен я.
Угадайте-ка, что в кармашке
Ученического тряпья.

Шеф такси чередой проклятий
Разражается поделом
И параллелограмм объятий
Замыкает стальным крылом.

В листопаде сырым коленом,
Между истых воздушных стен
Предварительный зимний пленум
Собирает Ильмаринен.

*

Свет фар летел поодаль, выхватывал из темноты
Асфальта трещины и вывески пекарен,
И настигал внезапно, и кричал во все концы: «Вам всем кранты!»
Ты был премного благодарен,
Прескверно пьян, а я в снегу
Нашел пятиконечную звезду.

Считалочка

1

Кто упадёт первым
Балансируют на мизинцах рук
Так только Оля умела
С ней вместе ходили в фехтовальную секцию
И один человек по имени Брут
Выждал момент
И поразил её в незащищённое сердце
Чьи подведут пальцы кто упадёт первым

У меня был ожёг чуть выше запястья и вот он проходит
Вместе с августом и тобой
Вы остались только на фотографиях и иногда устах
Обезумевшая белошвейка устала
И перекусила нить
Снимки на край полки
Чей упадёт первым
Начертили десять квадратов
Кидаем стёкла
Прыгаем босиком точно на стёкла
Кто закричит первым
Кто упадёт первым
Кто пропадёт вовсе

2

Белая земляника прорастает в грудь
Щетинистым стеблем упирается в сердце
Ты фонарик завернутый в кухонное полотенце
В твоём свете грусть

Как говорить о предметах не называя предметов
Угадывать по теням что на них надето
А главное что под тем что на них надето
Угадывать и молчать об этом
А только делать друг другу намеки светом
Пробивающимся сквозь тупые покровы
Сквозь грубые вафельные волокна
Сквозь всю эту белую землянику

haptophobia

1

утренник в детсаду
построились и пошли
а я в красном платье жду
девочку-с-земли

она появляется в последний момент
мы торжественно замыкаем процессию
помню на ощупь шёлк её лент,
повелительный шепот:
*'только не надо
держатъ меня за руку, это пошло'*

ветер. ель. подло жить горлу зонта,
а вектор сияния опознали,
а голой удали соль права, у
дикого узла - вник и болит

(в результате продолжительного
оказания сопротивления
упала, ударилась головой
об один из углов калитки)

*

масса детского тела относительно яда
сны единоутробной сестры
задымлённые головы или бильярдные
в полустёршихся цифрах шары

кто-то спрыгнул с огромной крутящейся лестницы
на безумнейшей из скоростей
а другой подбежал и собрал для коллекции
несколько любопытных костей

ну, а в плане живых детей
какие процессы там наяву
что говорит нам мир
в смысле утренних новостей, например

что-то падает на траву
опоясывающую сквер
падает кверху дном
как намазанный кровью хлеб
падает днём,
у всех на виду,
как обычный снег

*

он превращается в паровоз, говорит ту-ту
составы гремят, переваливается прицеп
он чувствует каждый зуб у себя во рту
пока доктор бесстрастно выписывает рецепт
он мчится по новокаиновым рельсам в зудящую пустоту
и нет ничего тяжелее тепла
медленно расцветающего в его крестце

он превращается в самолёт, у него болят
стюардессы, кресла, спасательные ремни
первый пилот, штурвалы, второй пилот
он повторяет как заклинание небо не урони
пока ледяные щипцы раздвигают разгорячённый рот
и на изнанке век проступают вальсирующие огни

он превращается в мелочь и ускользает вбок
он превращается в чайную ложку, в дверной глазок
в шнур телефонный, в пластиковый стакан
в зеркальце, в кнопку сломанного звонка
чтобы привыкнуть, заранее научиться не чувствовать ничего
он превращается в то что уже мертво

*

Эта река, представляешь, такая лентяйка, и камень о камень
Отродясь не ударила. Строго ее мы накажем,
Солнечных бликов на завтрак и лунных на ужин
Как возьмем и лишим - пусть лежит
И все только разводит пустыми руками,
Будто с кем объясняясь, что нет, мол, задаром не нужен.

Но, наверно, однажды и я стану речкой.
Люби меня, если я стану речкой,
Если я стану прачкой,
В речку прачкой брошенной сигаретной пачкой
Или балетной пачкой.
Носи бережно, зря не пачкай.

Я, может, буду тогда как эта
Остановившаяся река.
Может, она не ленива вовсе,
А просто сезонное, или муж от нее ушел
К молодым озерам, или сына
Забрали в море.

*

Что слышно из окна плацкартного;
Чем занят в тряском сне случайный мой сосед,
Когда перестает ласкать его
Негодный разовый вагонный свет.

Он, может, пастушок юродивый
И в нужном месте перекусывает солнечную нить,

А вот, лежит на полочке напротив,
И я могу его убить.

А может, он уже не он, но под себя замаскирован,
Или пришел за мной "оттуда, где меня
уже не ждут, но будут рады":

Вернуть домой, домчать до дна, до крова, -
Но что, если под ним вдруг загорится простыня
(И никогда, подумай, никогда
Не знать всей правды).

*

1.

‘черника спросила: «что,
видно ли вам оттуда,
сколько зубчиков
в моём венчике?»’ –

йодль посуды-везунчика,
штопаной-перештопанной,
вечной, –

‘отвечали: «нагоним –
там видно будет.
пока – мигай нам
|вира-майна.
аренды-найма.
умнут – мигай!»’

2.

чиркни спичкой, чирикни
обернись черенком черники

у июля за паузой –
полезай, полезай! –
столько уже
таковых оружейных
привоев
[клокочущей Яузой
крадучись,
вежью пазушной
щупать сухменное волшебство их;

большей, нежели эта, не мыслить радости]

3.

сходство с маленьким миртом
вот твои документы

ступай с миром,
еще полстолько побудь не мертвым –
но ни тебе ноосферы, ни ойкумены,
ни кола ни пера

пока не спадет жара

(песенка)

с ним коврики,
а самолетики с кем?

ему весело там?

по чужим абы как из пособия списанным нотам
я спою, кто со мной

я спою, кто со мной и как спится их нашему общему богу
с ковриком-самолетиком под спиной

с ним коврики,
мы одной крови,
ее пустоту и свободу
по абы как из пособия списанным нотам

я спою

кто со мной?

*

*речь хочет только спать или сидеть,
прижавшись ребрами к столешнице вишневой,
и за окно глядеть неврологической основой*

•
я думаю о смерти [обувной

*пахучий крем блестит на крыльях носа
ботинка, зашнурованного мной]*

*речь думает о детстве [обувной
пахучий крем блестит на крыльях носа
ботинка, зашнурованного мной]*

В ботинках и при галстукe сижy,
Прижавшись ребрами к столешнице вишневой,
И за окно гляжу. И вижу дом кирпичный новый
И лестницу, приставленную к правому из пятых этажу.

Там комната на той же высоте
Другого города родной архитектуры
С рукою смуглой на откормленном коте
Экзальтированной натуры.

Там старый застекленный патефон
С народной смертью на конце иглы
И канцелярский слон, везущий поровну,
Как посуху, на шариковых стержнях
Иридия прозрачные чехлы.

Дверь держит скважину и календарь на животе,
А по спине катает теплый диафильм советский.
Торшер на электрическом хвосте
Взгляд взвешивает детский.

На васильковом покрывале серый плед,
И волком, домогающимся штрафа,
Скользит из шторы, от погони взмокнув, свет.
Шкатулка изгибается со шкафа.

Над тумбой маленькие зеркала,
И против ширмы полочка с иконой.
Протянут ковролин мрачно-зеленый
От колыбели и дотла.

То время выпукло и интенсивно так,
Что, кажется, вздохнет, репатрируется скоро,
Когда, еще в отрыве от руки, жило само
В недостижимой сокровищнице темного фарфора,
В чернильнице отца
Моё письмо.

*

Шарик или карта? Пой, калач, чини охоту.
С нэцке рай и на шпалере. Водит Крым.
Зарики азарта поколачивают с лёту
Несгораемое дерево игры.

Лампа и свисток одолевают неуклонно,
Нарастает, подымается возня.
Но откуда ни возмись явится борнеосский клоун
И в Бруней решит позвать меня.

Танцы и прыжки, корсет и маски ежедневно
С девяти и до двенадцати ноль-ноль.
Колоссальный мяч, качели, мертвая царевна,
Рассеченная то *на*двое, то вдоль.

Всё это прекрасно, мой участливый ковёрный;
Я заведомо пленен твоей землей,
Но ходи^тть умею только по одной: сырой и черной,
С её чахлыми посевами, с их тлём.

*

Пыль пыли дело, бо об одном
Спрятался в прялку и повторял
|Было ли дерево был ли дом|

Что ни день кудель что ни вечер ровница
Монастырь Пор-Рояль
Но если вагончик тронется ах если вагончик тронется
Улыбайся так чтоб не смог не остаться я

*

из карманных часов, поднесённых к уху, доносится белый шум
в тёмную нору падает лунный блик
сегодня Алисе мал Мэри-Эннин ум,
завтра велик

полумесяц чеширской улыбки не окружён никем
трубка в пальцах гусиничных кальян
как ты, Алисино отражение в перевёрнутом ночнике
в пыльном стекле серванта оно как я

пока шляпник и мартовский заяц своё чаепитие длят пока
утро не лижет рук не целует лба
пей судьбу из прозрачного пузырька

расти от подвала до потолка
оглянись: я машу тебе с той стороны гриба

*

падает крутит и рук внутри
светятся маленькие цари
праздник а в головы без царей
праздник приходит еще быстрее

кто заповедал твои узлы
жил да разжалобил слыл да сплыл
голос диктующий номера
зарослям жидкого серебра

спой и уж больше не попрошу
это икару на парашют
в темную залу как в темный зал
падает праздник ты знал ты знал